

Глава 8

Сы Вэй внимательно изучил разложенные наряды. Теперь он примерно понимал, какому стилю отдавала предпочтение Цзиньли.

В повседневной жизни она, судя по всему, выбирала изысканную простоту и мягкую женственность. В её гардеробе преобладали лазурные, белые, синие и зеленые тона. Цвета, пусть и неброские, на качественной ткани ложились глубоко и чисто, не выглядя блеклыми, а искусная скрытая вышивка лишь подчеркивала эту сдержанную элегантность.

Каждая из выбранных комбинаций демонстрировала безупречный вкус: светлые и насыщенные оттенки сочетались безукоризненно. Впрочем, в эту эпоху богатые люди могли позволить себе истинную роскошь — один лишь зеленый цвет насчитывал не менее двух десятков изысканных полутонов.

Глядя на ворох одежды при неверном свете светильника, Сы Вэй прикрыл глаза.

— Убери пока всё это, — негромко попросил он. — Мне нужно подумать.

В полумраке перед его мысленным взором один за другим начали всплывать образы Цзиньли.

Вот вчерашний день. Оживленная улица, рядом — второй молодой господин Лю Сянчжи. Цзиньли весело беседует с ним, кокетливо прикрывая рот шелковым платком. В её глазах плещется смех, однако он совсем не касается их холодной глубины.

Вот сегодняшнее утро в Павильоне Туманов. Она лениво спускается по лестнице со слегка растрепанной прической, сонная, с затуманенным взглядом, но всё же находит в себе силы мягко предостеречь Сы Вэя от опасности.

А вот сцена наверху, в её покоях. Полураздетая, растрепанная, пьяная. Она поет навзрыд, смеется сквозь душащие её слезы, пока наконец не затихает, завернувшись с головой в одеяло.

«Что же она за человек?» — безмолвно спросил себя Сы Вэй.

В памяти всплыл первый этаж Павильона Туманов. Кабинет, где стоял стол для игры на пипе, изящное ложе — «софа для красавиц» — и высокий, уходящий под потолок книжный шкаф за письменным столом.

Полки не ломились от тяжести, но свитки с рисунками, коробочки с красками и многочисленные тетради заполняли шкаф почти полностью. Вряд ли среди них хранились священные каноны конфуцианства, однако даже в домах почтенных книжников редко можно было встретить столь богатое собрание.

— Я заметил уголок с пипой и письменным столом на первом этаже, — внезапно заговорил Сы Вэй. — Дева Цзиньли обычно проводит время именно там?

Цинлу на миг растерялась, но кивнула:

— Да. Правда, последние два года госпожа почти не притрагивается к пипе. Всё больше сидит в кабинете, читает при дневном свете.

Сложив очередное платье в сундук, служанка защелкнула замок и понесла тяжелый ящик к шкафу в западной комнате.

— В Павильоне Туманов скопилось много книг, — продолжила она, убирая сундук на место. — Что-то дарили гости, что-то госпожа покупала сама. «Книга песен», путевые заметки, рыцарские романы, старинные повести... Она не слишком разборчива, читает всё подряд. Когда совсем тоскливо, ложится на кушетку и перечитывает старое. Хотя как-то время убить. Гостей нет, а взаперти в Павильоне с ума сойти можно, если ничем себя не занять.

С каждым словом Цинлу образ хозяйки павильона обретал в сознании Сы Вэя плоть и кровь. Книги даруют мудрость. Но мудрость рождает гордость и благородство духа — вещи в её положении совершенно бесполезные, если не сказать опасные. Разве это не утонченная пытка?

Он видел её разной: трезвой и рассудительной, сломленной и апатичной, безумной от хмеля и сонной, едва открывшей глаза. Профессиональный инстинкт фотографа требовал уловить суть её натуры, выкристаллизовать и возвести в абсолют эту ускользающую красоту. Пусть даже эта красота рождалась из чужого страдания.

«У Цзиньли нет пути назад. Но разве он есть у меня?»

Оба они — и Цзиньли, и он сам — были подобны глиняным буддам, переходящим реку: уберечь бы собственную шкуру, куда уж там спасать других.

Сы Вэй глубоко вздохнул, сбрасывая тяжесть с груди, и открыл глаза.

— Цинлу, помоги мне кое-что подготовить.

Девушка обернулась.

— Что именно тебе нужно?

Сы Вэй принялся восстанавливать в памяти обрывки знаний из прошлой жизни, когда ему доводилось помогать визажистам на съёмках:

— Рисовая пудра, свинцовые белила, порошок из ракушек, тальк, жемчужная пудра... Еще принеси цветных румян разных оттенков, пчелиный воск, помаду на бумажной основе, древесную золу, угольный порошок, бамбуковое сито и кусок самого тонкого льняного холста.

— Пока всё. Остальное решим завтра, когда госпожа протрезвеет. Надо узнать, что именно она планирует делать на Банкете в канун Нового года.

Сы Вэй перечислил всё лишь однажды, но у Цинлу оказалась цепкая память — она безошибочно повторила весь список, замешкавшись лишь в самом конце:

— С рисовой пудрой, ракушками и тальком проблем не будет. У госпожи в шкатулке кое-что есть, да и у торговцев на развес купить несложно. Но вот жемчужная пудра и румяна... Жемчуг в нашем уезде Цзю стоит безумных денег, даже самый мелкий. Нам его никто не продаст. С румянами проще, но хорошая коробочка обойдется в целую связку монет. Если брать разные оттенки, выйдет круглая сумма.

Хотя Сы Вэй и носил женское платье, девушкой он не был и тонкостями ухода никогда не интересовался. Его матушка, госпожа Ю, давно вдовствовала и косметикой не пользовалась. Услышав цену, Сы Вэй невольно округлил глаза.

Связка монет — это целый лян серебра. С тех пор как он помнил себя в этой жизни, семья Сы в лучшие времена не ухитрялась скопить больше трех-пяти лянов.

Сы Вэй мысленно вздохнул. Как легко он попался в ловушку собственных заблуждений! Он считал румяна и белила обычными древними аналогами косметики, совершенно позабыв, что для простых женщин подобные изыски оставались непозволительной роскошью.

— Тогда ступай в аптечную лавку, купи побольше воска. И если сможешь, раздобудь маленький каменный жернов величиной с ладонь. Если не найдешь, стодится и обычная ступка с пестиком.

— Какую-то особую отдушку искать? — спросила Цинлу.

Сы Вэй покачал головой. Даже не зная точных цен на косметику, он прекрасно понимал, сколько стоят благовония. Изготовление сложных ароматических смесей всегда оставалось забавой знати. В эпоху, когда товары возили на телегах месяцами, даже пара долей драгоценного мускуса или сандала стоила целое состояние.

Заметив его жест, Цинлу с облегчением вздохнула:

— Хорошо. Тогда завтра с утра я пробегусь по лавкам.

Она не стала говорить о деньгах. Пока речь не шла о дорогом привозном товаре, все расходы

можно было согласовать с госпожой Чжао. Достаточно получить у той разрешение, отправить за покупками здешнего служителя борделя, а траты списать на ежемесячные нужды девиц.

Смеркалось. Больше они не разговаривали. Цинлу притащила чайный очаг, в котором днём Цзиньли заваривала чай, раздула угли из медной жаровни и принялась разогревать нехитрые яства, оставшиеся нетронутыми на столе.

Они поджарили пресные пампушки на углях, перекусили тёплым рагу и молча разделили скромную трапезу. Затем служанка достала из сундука два ватных одеяла и протянула одно Сы Вэю.

— Я отнесу посуду на кухню, поищу золу с углем, а потом загляну к госпоже Чжао за холстом, — распорядилась Цинлу, всовывая одеяло ему в руки. — А ты ступай наверх. Здесь ты человек новый, лучше присмотри за хозяйкой, чтобы она опять чего-нибудь не выкинула, если вдруг проснется.

Сы Вэю оставалось лишь молча подчиниться.

Ночь выдалась беспокойной. Сы Вэй спал чутко, то и дело проваливаясь в липкие, тревожные сны. Ему виделась матушка Ю, надсадно кашляющая в темноте их убогой лачуги в деревне Линьвань, то лицо Фэн Чуньян с её неизменной хищной усмешкой, то Цзиньли — растрепанная, плачущая, бьющаяся в истерике под порывами ветра...

Когда он наконец открыл глаза, комнату уже заливал яркий утренний свет.

После такой ночи во всём теле чувствовалась лишь свинцовая усталость, словно он и вовсе не ложился. Сы Вэй поднялся со своего импровизированного ложа на полу. Угольный очаг в углу давно остыл, но в комнате еще держалось слабое тепло.

Повернув голову, он увидел, что Цзиньли уже проснулась. Укутавшись в одеяло, она безучастно смотрела на потолочные балки.

Сы Вэй набросил стеганный халат, аккуратно сложил постель и негромко произнес:

— Раз уж вы проснулись, госпожа, самое время подумать о том, как мы представим вас на Банкете в канун Нового года.

Цзиньли едва заметно повернула голову в его сторону.

— Вот как? А разве это не твоя забота? — её голос звучал хрипло и тихо.

Сы Вэй опустился прямо на свернутое одеяло и, подперев подбородок рукой, внимательно

посмотрел на выглядывающее из-под вороха ткани лицо куртизанки.

— Без муки хлеба не сварить, — спокойно ответил он. — Если заставить искусного художника играть на цитре, а грациозную танцовщицу — слагать стихи, ничего хорошего не выйдет. Попытка выдать неграмотную крестьянку за ученую деву — это не просто глупость, это оскорбление для зрителей, которых держат за дураков. Такое представление обречено на провал. Потому я и спрашиваю: не окажись меня рядом, как бы вы поступили сами?

Цзиньли долго молчала. Наконец она горько и тихо усмехнулась. Она повернулась на бок и, подперев голову ладонью, уставилась на него:

— А знаешь ли ты, что такое Банкет в канун Нового года в Башне Весенней реки?

Сы Вэй промолчал, ожидая продолжения.

— Канун Нового года называют «Чуси», — тихо проговорила она, и взгляд её стал пустым. — Избавиться от старого, встретить новое... Только для Башни Весенней реки этот праздник всегда был прощальным. Кто-то находит здесь своего избавителя и покидает этот омут, чтобы навсегда запереть себя в золотой клетке чужого поместья. А для кого-то... для кого-то в эту ночь обрывается последняя ниточка, связывающая их с матушкой Фэн. Куда, по-твоему, отправляют тех, кто больше не может приносить доход?

Она принялась лениво перебирать растрепанные пряди, закалывая их простой деревянной шпилькой. Движения её были небрежными, но в её взгляде уже не осталось и следа вчерашнего хмельного безумия.

— Я блистала здесь с двадцати одного года. Теперь мне почти двадцать пять. Если и в этот раз никто не обратит на меня внимания, матушка окончательно поймет, что бывшая первая красавица Башни превратилась в обузу. Как думаешь, что ей выгоднее: и дальше тратить деньги на мое содержание или поскорее сбыть меня с рук, чтобы вернуть хоть часть былых расходов?

<http://bllate.org/book/18280/1758665>